

Проблема свободы

Полагаю, свобода является целью Вселенной. Я часто задаю себе вопрос, действительно ли Вселенная направлена на поиск свободы. Мне постоянно кажется, что недостаточно определить свободу лишь как поиск, присущее человеческому обществу, наверняка у нее есть какая-то связь со Вселенной. Если считать основным вопросом вселенной противопоставление частицы и энергии, то тогда, без сомнения, можно говорить, что энергия является свободой. Я верю в то, что частица материи является изолированно упакованной энергией. Свет — один из видов энергии. Можем ли мы отрицать то, что свет свободно распространяется в бесконечности? Квант, который считается наиболее мелкой частицей энергии, сегодня называют явлением, выражающим все виды вещества. Да, движение квантов является силой, порождающей все существующее многообразие. Я никак не могу удержаться от подозрения, что это и есть бог, которого все постоянно ищут. Суперабсолют, заключенный в сущности кванта, волнует меня, и, считаю, что это возможно, но я, опять, не могу не думать: не это ли называют высшим существом, богом?

В отношении свободы важно не предаваться эгоизму и не попадать в сети редукционизма, свойственного человеку. Можно ли отрицать, что птица, запертая в клетке, испытывает большие страдания? Пение соловья намного прекраснее самой замечательной симфонии — эту истину нельзя выразить иначе, чем с помощью свободы. Разве все голоса и краски Вселенной не наводят на мысли о свободе? Как объяснить восстания и борьбу женщин иротив гнета, как самых первых и последних рабов человеческого общества, кроме как стремлением к свободе? Самые выдающиеся философы, например Спиноза, трактуют свободу как преодоление невежества — разве это не то же самое?

Я не стремлюсь скрыть проблему среди бесконечных примеров и не хочу подробно распространяться о собственном приговоре, под которым живу с рождения. Приведу лишь одно доказательство: я никогда не писал стихов, кроме нескольких строк о Прометее. Поэзия является искусством поиска свободы, но у нее нет никакой другой цели, кроме изобразительной. Разве можно отрицать, что я — бесстрашный сторонник свободы?

Это краткое введение сделано для того, чтобы очертить обширность проблематики свободы общества. Развитие общественного разума совершенно необходимо для правильного понимания свободы. Развитие общественного разума — это усиление его способности к восприятию свободы. Самые усиленные пространства разума — это пространства чувствительные к свободе. Правильнее сказать, что чем сильнее в любом обществе развита рефлексия о разуме, культуре, знании, тем более оно склонно к свободе. Верно также и то, что чем менее общество обращает внимание на разум, культуру, знание, тем более оно склонно к рабству.

Когда я размышлял о евреях как нации, я все время задумывался о двух особенностях их характера. Во-первых, об их рукоделие к деньгам. Они, всегда, в своих руках держат власть

денег. Евреи точно знают (и уверенно применяют свои знания на практике), что деньги — орудие власти, что ими они могут мир взять под свое влияние и даже подчинит себе. Мы можем назвать это господством материального мира. Во-вторых, что, по-моему, важнее, вклад евреев в мировую науку и культуру. Вначале еврейские пророки, затем писатели, а в период современного капитализма — разного рода философы, ученые, представители искусства и женщины добились колоссальных достижений, почти равных истории. И будет верным утверждение, что нет другого народа богаче и свободнее, чем евреи. В подтверждение приведем несколько примеров из современности. В основном, настоящими властителями финанс-капитала, руководящего глобальной экономикой, являются еврей. У истоков современной философии стоит Спиноза, науки об обществе — Маркс, психологии — Фрейд, физики — Эйнштейн. Добавим сотни имен политиков, ученых, деятелей искусства — все это дает достаточную информацию об интеллектуальной силе евреев. Так можно ли отрицать их влияние в мире интеллекта?

Однако у этой медали есть и другая сторона. Материальное и моральное богатство, сила и господство одних достигнуты за счет других — бедных, бессильных и разобщенных. Поэтому известные слова Маркса, что если пролетарий хочет освободить себя, то у него нет иного выхода, кроме как освободить все общество, актуальны и для евреев — словно Маркс сказал это, думая о них. Если евреи хотят быть уверены в своих свободе, богатстве, разуме и понимании, они должны таким же образом морально укрепить и обогатить мировое сообщество. Иного пути не существует. В противном случае над их головами может возникнуть угроза новых Гитлеров. В понимании этого — спасение еврейского народа; его свобода возможна только одновременно со спасением и свободой мирового сообщества. Нет сомнений, что для евреев, так много сделавших для человечества, это — почетная обязанность. В таком случае становится очевидным, что богатство и власть одних, основанные на нищете и невежестве других, не несут в себе свободу, если подразумевают геноцид. Подлинный смысл свободы — во всеобщем объединении без разделения на своих и чужих.

Если анализировать централизованную цивилизацию с точки зрения свободы, то мы увидим, что она несет в себе скрытое, отдаленное во времени рабство. В своем крайнем виде рабство проявляется как рабство идеологическое, это ясно видно на примере страшных и всемогущих богов шумерского общества. Верхние уровни зиккуратов представляются местом обитания богов, повелевающих сознанием. Средние уровни отводят под центры политического управления, которое осуществляют монахи. А самые нижние уровни предназначены для ремесленников и крестьян. И в основных чертах эта модель осталась неизменной до наших дней, лишь получила широкое и быстрое распространение. Это наиболее близкий к реальности сценарий развития 5-тысячелетней централизованной цивилизации. Но эта истина воспринимается эмпирически. Анализ зиккуратов — это анализ структуры централизованной цивилизации и, экстраполируя? Последовательно, означает анализ подлинной структуры капиталистического мира. Совокупное развитие капитала и власти является одной стороной медали; другая сторона медали — это ужасающее рабство, голод, нищета и забитость.

Сейчас мы еще больше понимаем, как проблема свободы обострилась. Без понимания того, что централизованная цивилизация систематически лишает общество свободы, низводит

общество до уровня стада, невозможно бороться за существование. Логика системы диктует усиление давления со стороны власти и капитала, что означает еще большую нищету и унижение. Такое обострение проблемы свободы, проявлявшееся во все времена, связано с природой системы. Мы недаром продемонстрировали пример еврейского народа — он очень показательный. Евреи веками переживали и свободу, и рабство — и не потеряли своего значения как нация.

Таким образом становится более понятен традиционный вопрос: что приведет к свободе — деньги или знание? Деньги как средство накопления капитала, то есть как излишки труда и перераспределения богатства (захвата ценности), во все времена играли и играют роль орудия рабства. Они могут убить даже своего хозяина. Это показывает, что с точки зрения свободы деньги никогда не будут безопасным средством. Деньги играют роль частиц материи, выступающих против энергии. Можно сказать, что сознание всегда ближе к свободе, оно влияет на реальность, расширяет горизонт. Поэтому сознание считают объяснением текучести энергии.

С точки зрения общественной этики будет полезным обозначить свободу как множество, разнообразие и различие во Вселенной. Множество, разнообразие и различие, даже скрытые, всегда несут мыслящему существу возможность выбора. Данные науки подтверждают, что существует сила, обуславливающая разнообразие живой природы. Ни одна фабрика, созданная людьми, до сих пор не смогла создать ничего, равного по сложности живой клетке. Возможно, мы не можем говорить о мировом разуме на уровне Гегеля. Но, тем не менее, нельзя исключить существование во Вселенной такого разума. Разнообразие невозможно объяснить иначе, как сознанием. То, что многообразие и разнообразие постоянно напоминают о свободе, вероятно, обусловлено искрами разума, лежащими в их основе. Можно считать наиболее разумным существом Вселенной человека. Хорошо, но как же человек обрел этот разум? С точки зрения науки (физически, биологически, психологически и социологически), человек представляет собой сущность истории Вселенной. В таком описании человек является квинтэссенцией мирового разума. Поэтому во многих философских школах человек рассматривается как модель Вселенной.

Уровень и подвижность разума человеческого общества представляет собой подлинную основу общественного устройства. С этой точки зрения свободу также можно представить как достижение общественного устройства. Мы знаем, что, начиная с первобытных времен, это называется моралью. В таком случае общественная мораль возможна только при наличии свободы. Свобода является источником морали. Моралью можно также назвать утвердившийся, прошедший испытания вид свободы, ее традиции и правила. Если моральный выбор исходит из свободы, то, учитывая связь свободы с разумом, знанием и сознанием, мораль можно называть коллективным сознанием или совестью общества. Теоретически имеет смысл называть мораль «этикой» только в этих случаях. Мы не можем говорить об этике вне общественной морали. Естественно, может создать более сильную моральную философию — этику, чем моральные эксперименты. Но искусственно созданная этика невозможна. Общеизвестны усилия, предпринимавшиеся в этом направлении И. Кантом. Понятно, почему он называл этикой практический ум. Но в то же время и для наших дней тоже актуален моральный выбор свободы, его возможность.

Связь общественной политики и свободы также очевидна. Политическая арена — это место, где наиболее дальновидные умы дискутируют, размышляют и пытаются добиться успеха. Политика — это место, где участвующие в ней субъекты получают свободу с помощью этого искусства. Общество, не развивающее социальную политику, должно осознавать, что платой за это станет лишение свободы. Таким образом проявляется высокий смысл искусства политики. Любое общество (клан, племя, род, нация, класс, государство), не способное развивать собственную политику, обречено на поражение и на потерю идентичности. Для любого общества нет ничего тяжелее такого поражения. Борьба за свободу такого общества возможна лишь тогда, когда все его члены поднимают головы, начинают говорить и действовать по-новому и бросаются в пучину политической борьбы. Аполитичное требование свободы — это полный бред.

Однако чтобы не нарушить связь политики и свободы, необходимо провести точные границы между властью и государственной политикой (точнее было бы сказать, отсутствием такой политики).

У государственного устройства и власти могут существовать стратегия и тактика, но политики в полном смысле слова быть не может. Власть и государства приобретает свои очертания, по мере отрицания общественной политики. Там, где заканчивается политика, устройства власти и государства начинают действовать. Власть и государство начинаются там, где перестает действовать слово политики, то есть кончается свобода. Там, только, есть закон и устав, управление посредством послушания, отдачи и выполнения приказов. Любая государственность и власть — это застывший разум. Их сила и их бессилие проистекают из этой особенности. В этом случае арена государства и власти не может быть местом поиска свободы. Гегелевское определение государства как места, где «свобода достигает наивысшего, подобающего ей права», легло в основу всех господствующих современных взглядов и структур. Наиболее ярким примером того, к чему может привести данная позиция, является гитлеровский фашизм. Даже К. Маркс и Ф. Энгельс, с точки зрения которых государственная власть — это основа социалистического строительства, неосознанно наносят таким образом жестокий удар по свободе и равенству. Либералы прекрасно поняли: чем больше государства, тем меньше свободы, и своим успехом обязаны именно этой пронизательности.

С точки зрения гегемонии, власть и государства, по сути, является еще одним видом присвоенных излишка производства и ценностей, то есть совокупного капитала. И не имеет другого значения. Капитал ведет к образованию государства, государство — к образованию капитала. То же самое можно сказать и о различных формах устройств власти. Насколько общественно-политическая сцена рождает свободу, настолько арена власти и государства ведет к потере свободы.

Возможно, устройства власти и государства приведет к обогащению и свободе многих людей, групп и народов. Однако, на примере евреев, мы увидели, что это возможно только ценой нищеты и рабства других, результатом такого развития становятся геноцид и различные войны. В капиталистической мировой системе политике был нанесен самый тяжкий ущерб. На нынешнем этапе, когда централизованная цивилизация достигла вершины своего развития, можно говорить о настоящей кончине политики. В нашем веке,

больше, чем когда либо, происходит вымирание политики. И одновременно с этим наблюдается феномен умирания морали. И если мы хотим добиться свободы, у нас нет иного выхода, кроме как силой собственного интеллекта и политикой как совокупным разумом, моралью которого является коллективная совесть общества, вновь возродить политику и мораль и сделать их работоспособными.

Связь между свободой и демократией еще более тесная: постоянно ведутся дискуссии, что первично. Но мы можем уверенно утверждать, что они взаимосвязаны и подпитывают друг друга. Чем лучше мы представляем общественную политику в связи со свободой, тем сильнее связываем ее с демократией. Наиболее конкретным воплощением общественной политики является демократическая политика.

Демократическую политику можно определить как настоящее искусство освобождения. Без проведения демократической политики невозможно ни освобождение общества вообще, ни освобождение каждого народа в частности. Демократическая политика — это школа истины, где обучаются свободе и где реализуется свобода. Какую бы политику ни проводили демократические субъекты, демократическая политика настолько же политизирует общество, насколько естественно его освобождает. Если воспринимать политизацию как основной способ достижения свободы, то необходимо знать, что чем сильнее мы политизируем любое общество, тем больше мы его освобождаем, и наоборот, чем сильнее мы общество освобождаем, тем больше политизируем. Естественно, существует множество сфер, подпитывающих свободу и политику, начиная с идеологии, но основные порождающие и питающие друг друга источники — это общественная политика и свобода.

Свободу зачастую путают с равенством. Их связь так же сложна и неоднозначна, как связь свободы и демократии. Иногда мы видим, что равенства достигают, пожертвовав свободой. Часто говорят, что их одновременное существование невозможно, что одно должно уступить и что свободу иногда приносят в жертву равенству вынужденно.

Важно объяснить различную природу этих явлений. Равенство — это скорее юридический термин, оно предполагает равное распределение прав без учета различий между индивидами и обществами. Различия же являются одной из основных отличительных черт не только Вселенной, но и общества. Термин «различия» закрыто для «равенство прав» — явления которое того же порядка. Равенство может стать важным только тогда, когда будет учитывать различия. Главная причина провала социалистической модели равенства — в том, что она не учитывала различия. Это, одно из самых основных причин, которое привело к поражению. Подлинная справедливость возможна только при таком взгляде на равенство, в основе которого лежат многообразие.

Мы подчеркиваем, что свобода чрезвычайно близка к понятию «многообразие», однако только сочетание равенства и различий дает возможность найти столь важную связь со свободой. Сочетание равенства и свободы — это основная цель общественной политики.

Мы не можем обойтись без обсуждения понятий индивидуального и коллективного права. Эти две категории определяются также как негативная и позитивная свобода, и очень

важно раскрыть их взаимосвязь. Индивидуальная (негативная) свобода, возвышаемая современным капитализмом, нанесла огромный вред коллективизму в обществе. Важно отметить, что индивидуальная свобода в наши дни истощает общественную политику не менее, чем власть. Избавление от этой функции индивидуализма, в особенности от отрицания морали и политики, — важная тема. Когда мы говорим, что общество разделено, а индивидуалисты не способны сопротивляться власти капитала, мы еще лучше понимаем степень запущенности проблемы. То, что либеральный индивидуализм определяется как основной источник гибели общественной политики и свободы, может привести нас к выходу из тупика. Естественно, речь не идет об индивидуальности, ее необходимость не подвергается сомнению. Мы говорим об идеологическом индивидуализме, идеализированном либерализме, который уничтожает общественную политику и свободу.

Мы обсудили проблему коллективной свободы. Очевидно, что подлинная свобода должна защищать идентичность любого общества (рода, племени, клана, класса, профессиональной группы и т. п.), его безопасность и его интересы. Только в этом случае она будет важна. Мы можем говорить об оптимальном общественном устройстве, только в том случае, если в нем будут совмещены индивидуальная и коллективная свобода. Тот факт, что свобода индивидуализма, провозглашенная либерализмом, и свобода коллективизма, провозглашенная странами социалистического лагеря, очень близки, несмотря на противопоставление друг другу, стал очевиден в результате исторических экспериментов XX века. Обе они — выбор либерализма. Если вспомнить, что игры государства и собственников ведутся одними и теми же людьми, моя мысль становится еще яснее.

То, что демократическое общество является наилучшим условием для сочетания индивидуальной и коллективной свободы, стало вполне очевидно после воплощения на практике индивидуалистического «дикого либерализма» и перегибов «культурной революции», ставших причиной страшных разрушений в XX веке.

Можно отметить, что демократическое общество приводит и к балансу коллективной и индивидуальной свободы, в основу которого берется лучший общественно-политический режим.

Версия #1

Зверобой создал 31 декабря 2025 02:23:49

Зверобой обновил 31 декабря 2025 02:24:08